

Юбилей

Ирина ЛОПУХИНА

ЗА ДВА ЧАСА ДО «АНТРАКТА»...

11 июля 2017 г. Москва. Арбат. В Большом Николопесковском переулке у знаменитой Щуки заметное оживление: абитуриенты, родители, слёзы и радостные улыбки, – идут вступительные экзамены. Атмосфера буквально раскалена от тревожных волнений и первой июльской жары после нескончаемых дождей... А 55 лет назад из стен этого здания выходила выпускница, на встречу с которой я спешу сегодня и которую легендарный ректор театрального училища Борис Захава назвал «явлением раз в сто лет».

Ирина Георгиевна Чипиженко, заслуженная артистка Чечено-Ингушской АССР, актриса театра Луны и звёздная «бабушка» полюбившихся многочисленных сериалов. Это лето уготовило ей двойной юбилей – не только 55-летие окончания Щуки, но и 80-летие. Поговорить хотелось о многом, тем более что Ирина Георгиевна – человек не просто мудрый, с богатым жизненным опытом, но и с удивительным чувством юмора. Спектакль «Антракт», в котором она играет 65-летнюю актрису театра Анфису Михайловну, давали в этот вечер в последний раз перед уходом «на летние каникулы». А ровно 5 лет назад, летом 2012 года, мне посчастливилось увидеть премьеру этого спектакля, который с тех пор в театре не просто любят все его участники, но берегут как драгоценное достояние. Так что это ещё один юбилей – поистине Бог любит троицу!

Перед встречей с Ириной Георгиевной мне удалось пообщаться с её коллегам, занятым в «Антракте», и по какому-то высшему промыслу их тоже нашлось сразу три, как только узнали, «по чью душу» явился в театр журналист из «Театрального мира».

Ирина Георгиевна Чилиженко

Юбилей

Владимир Тягичев – Почётный деятель искусств города Москвы, член Союза Театральных деятелей России, актёр, режиссёр:

– *Ирина Георгиевна – выдающаяся актриса современности. В своё время Раневская, Пельцер были «главными бабушками страны». Сейчас для меня – это Ирина Чипиженко. Желаю ей бесконечного долголетия, она очень бодрая, весёлая, жизнелюбивая. От неё просто искрится обаяние, жизнерадостность – пример нам, молодым актёрам! Я её называю Чипа, никак не Ирина Георгиевна. Чипочка, моя любимая! Она блестяще относится к розыгрышам, приколам, она их понимает, она абсолютно на нашей волне, она юна! У неё душа тридцатилетней. Принять участие в съёмках кино-капустника её даже уговаривать не приходится. Естественно, мы снимаем это бесплатно, и она отменяет все съёмки за деньги, чтобы прийти и сняться у нашей группы. Я счастлив, что сейчас она активно занята в сериалах, и, если вижу её на экране, «зацеплюсь» и обязательно буду смотреть до конца эту серию. При всём своём огромном жизненном опыте и праве на собственное мнение она очень послушна режиссёру. Я работал с ней в «Антракте» по драматической части. Всё, что она должна играть в каждой сцене, мы проговаривали, она просто «с голоса брала», хотя, конечно, потом что-то «обрастало мяском», она добавляла какие-то «фишечки», присущие только её остроумию.*

Людмила Светлова – Почётный деятель искусств города Москвы, актриса:

– *Для меня Ирина Георгиевна – это ориентир, то, к чему надо стремиться как актрисе и как человеку. Она очень позитивна и душой моложе нас всех, вместе взятых! Во всех сборищах и сабантуях она всегда в первых рядах. Человек очень профессиональный, гениальная и очень честная актриса – всегда на полную*

катушку, всегда готова поделиться. С ней работать – одно удовольствие! «Петелька – крючок» – это однозначно вариант Ирины Георгиевны. Я многому у неё учусь, даже просто наблюдая, не задавая вопросов. Телевизор я смотрю редко, в основном смотрит мама, но если я замечаю Ирину Георгиевну, всегда останавливаюсь. Я очень рада, что она сейчас востребована, что она в силе – это очень здорово! Замечаю ли я в ней «щукинскую школу»? Да, особенно в капустниках. Это «школа представления», и здесь Ирина Георгиевна – как рыба в воде! Я желаю ей сил, здоровья, энергии и желания работать! Я желаю себе ещё поработать с Ириной Георгиевной и мечтаю быть занятой с ней в одном спектакле – это счастье!

Елена Светличная – звукорежиссёр:

– К сожалению, спектакль «Антракт» выпускала не я, но я его буквально сразу захватила, очень его люблю и все годы, сколько он у нас идёт, работаю на этом спектакле. Ирина Георгиевна великолепная актриса, очаровательный человек, все её обожают! Мало того, она необычайно профессиональна в плане дисциплины, держания роли, опыт у неё огромный, работать с ней – наслаждение. Мне кажется, что она мобилизует всех артистов, и они все любят этот спектакль! Это актриса, от которой просто невозможно оторвать взгляд. Каждый раз её провожают аплодисментами – не после спектакля, а после каждой её сцены. Хочется пожелать ей здоровья, оптимизма, доброжелательности и светлости, которые в ней присутствуют, чтобы это сохранялось на долгие годы. И, конечно, новых ролей. Она заслуживает намного большего!

И вот я в «лунном» закулисье. По замысловатой схеме театральных переходов попадаю в гримёрку, где Ирина Георгиевна готовится к спектаклю. Открытая улыбка, озорной взгляд, неподдельное радушие – слов-

но тёплые светлые флюиды излучает эта женщина. Ею хочется любоваться, слушать её не перебивая, забыв о тех вопросах, которые планировалось задать, и сожалеть с первых минут о том, что времени до начала спектакля катастрофически мало для общения с таким рассказчиком. Поэтому стараюсь не повторять «традиционных вопросов» из интервью моих коллег о семье и работе, они опубликованы на сайте театра Луны, хотя услышать даже известные факты из уст Чипиженко с её неподражаемой мимикой и интонацией – настоящий подарок.

– Ирина Георгиевна, ровно 55 лет назад Вы получили диплом актрисы. С Вашей точки зрения, актер – это профессия, это диагноз или образ жизни? Что это?

– Конечно, не профессия. Но для меня не было другого направления, я актёрский ребёнок. Пролегала положенных 8 дней в роддоме, потом меня завернули в конверт, и я поехала по Союзу. Сколько городов... Где

я только ни ночевала, на чём я только ни ездила, ни летала – всё это пройдено. Но единственное, что я знала с самого, видимо, рождения, – что я буду актрисой.

– В одном из своих интервью Вы высказали сожаление, что сейчас молодёжь живёт, словно без корней. В выборе Вашей профессии проявились актёрские корни. Но ведь в Вашем роду были и преподаватели – кадетских корпусов, французского языка... У Вас никогда не было желания заняться преподавательской деятельностью, передавать свой опыт молодым начинающим актёрам?

– Нет. Никогда! Даже бабушка моя, которая закончила гимназию, Сорбонну, дочь полковника кадетского корпуса, безумно любила театр. Она очень хотела быть актрисой, но папа её сказал, что тогда она должна быть либо содержанкой, либо женой антрепренера. Тогда, может быть, судьба нормально сложится. И она пошла в языки. Педагог французского и немецкого, за что и поплатилась в 37-м году – за то, что была «немецкой шпионкой». На 10 лет поплатилась. Да, я считаю, что корни – это великая вещь, они идут с молоком матери. Но, всё, что в меня вложено – дворянство, аристократизм – это всё очень далеко, поскольку я жила как нормальный простой ребёнок, который хотел есть, которому постоянно чего-то не хватало. А рядом была мама, её друзья – я всё это впитывала. Очень хорошо помню свой первый выход на сцену (где-то даже сохранилась программка), уже шла война, в спектакле «Москва. Кремль» я играла внучку лесника. Я получала хлебную взрослую карточку и зарабатывала на жизнь.

– То есть, Ваша актёрская карьера началась не в 1962 году после окончания Щукинского училища?

– Нет-нет. Я и в институт поступила, уже перед этим поработав в театре. А поступала я в несколько училищ. Во МХАТе мне сказали: «Что вы, девочка! Мы возьмём

лифтёршу, бухгалтера, а актрисы нам не нужны». А в Щепкинское хорошо поступила, хотя мы пришли, несколько человек, когда уже заканчивался второй тур. В коридоре встретили профессора Казанского, который согласился нас принять в своём кабинете. Мы ему что-то почитали по очереди, он вышел, показал на меня и ещё одного мальчика и повёл нас по коридору туда, где заседали Пашенная и Полонская. Он что-то пошептал Пашенной. Та сказала «Пусть войдёт». Я вошла, что-то почитала, станцевала со стулом что-то типа вальса и выкатилась оттуда. Мне сказали принести все документы, а они уже лежали в Щукинке. Причём в Щепкинском меня спросили: «А вы никуда больше не показываетесь? Во МХАТ, например?» Помня, как меня оттуда выставили, говорю: «Нет,никуда». И вот я бегу в Щукинское, в учебную часть, чтоб предупредить, если будут звонить, мол, не знаем такую. Звонок,

Татьяна снимает трубку, я ничего не успеваю ей сказать, слышу: «Чипиженко? Да, сейчас на собеседовании». Всё. В Щепкинском меня назвали предателем, сказали, что я уже висела в списке 1-го курса. А осталась в Щукинке тоже совершенно случайно. Я прошла собеседование, решался вопрос о зачислении. Некоторые выпускники тогда тоже присутствовали на «разговорах о нас». (Был такой Володя Златоустовский.) Подошла очередь Чипиженко, и началось: «Ну что вы... Это Малый. Этот голос. И рост...» Поднялся муж одной из наших педагогов: «Извините, конечно, что я влезаю. Но к вам пришла актриса с таким нутром!.. Хватит набирать всяких с ногами от подмышек!» Говорил ещё что-то, и благодаря его яркой обо мне характеристике меня приняли в Щуку. Правда, я проучилась там два года, меня вызвал Борис Евгеньевич (ректор) и сказал, что меня можно перевести на четвёртый курс, минуя третий. «Вам надо работать». С одной стороны, быстрее. А с другой, я сразу влезла в один дипломный спектакль и всё. И только несколько показов. А я считалась немосквичкой, потому что в 37-м году всё растеряли, нам не разрешали возвращаться домой, я всё начинала с нуля.

Показалась в театр Пушкина. Я никогда не видела Бориса Ивановича Равенских. У меня было три отрывка. И вот ГЗ, лестница, на площадке выемка с умывальником, мы здесь толпились, переодевались. Выходит зав.лит, говорит, что Борис Иванович задерживается. «Давайте, у кого много. Если нам понравится, мы оставим для него». Я говорю своему партнёру: «Давай начнём, у нас же 3 отрывка». Я один отрывок отыграла, спросили мою фамилию, есть ли другие работы и сказали идти переодеваться. Я выскакиваю на площадку, что-то одеваю, а мимо меня поднимается какой-то шибздик, задевает меня за ногу, мимоходом говорит: «Здрасьте!» Я разворачиваюсь, говорю: «Здра-авствуйте!», а потом, обращаясь к кому-то: «Что

это за хам?» Мне говорят: «Да это Борис Иванович Равенских!» Матушки, всё пропало! Кошмар! Боюсь возвращаться, смотрю в щёлку. Там за большим столом все сидят, а Равенских стоит, хохочет, умирает, что-то рассказывает. Потом оборачивается. Увидел меня, говорит: «Ну-ка иди сюда». Я влетаю.

– Ты чего сюда пришла?

– У вас хочу работать.

– А почему именно у меня?

– Рыбак рыбака видит издалека...

– Ладно, что там есть у тебя? Начинай!

(Как же он меня мурыжил... Потом я ему пела. А это как раз было перед его уходом из театра. К нему пришёл новый директор Потрошков.)

– Так, завтра ко мне придёшь.

На следующий день прихожу к нему, стучу. Равенских сидит в глубоком кресле.

– Здравствуйте, Борис Иванович!

– Ты кто?

– Я – Чипиженко...

– Щооо? Що-что? Что это такое вообще? (вскочил) Чипиженко была высокая, вроде, а ты маленькая какая-то... Ладно, я разговаривал с директором, он не хочет. Щас. Щас, седи здесь. Жди!

При мне бежит в кабинет к директору, и я слышу, как он там не просто кричит, а верещит: «Она мне нужна!», топая ногами и хлопая руками. Потом прилетает, весь красный: «Не могу его уломать! Иди, поговори с ним».

Я пошла к Потрошкову, полчаса говорила ему, что я – актёрский ребёнок, безумно люблю театр, что для меня это очень важно... Долго-долго говорила. Под конец он меня спросил: «Ну, всё-таки к театру как ты относишься? ... У нас всё общежитие забито». (Это было правдой. Когда он принял театр, всё общежитие было

забито не просто актёрами, которых брали, бывшими студентами. Там уже жили мамы, бабушки, дети...) На этом всё! Борис Иванович сказал: «Станешь москвичкой – сразу приходи!» Через какое-то время он уже был в Малом. Но и я уже в это время уехала. В Пушкинском театре работала Катя Головина, я дружила с её сыном Володей. Катя мне и говорит: – Ну что ты крутишься-вертишься! Поедешь в Омск?

– Мне всё равно...

– Сейчас директору позвоню. (Набирает номер). У меня здесь хорошая актриса...

Всё. Высылают аванс. Еду. У меня демисезонное пальто, берет на башке, какие-то башмаки – я не тряпошница (и у мамы так было). Приезжаю, а там поземка, в физиономию сыпет, нос синий! А по перрону ходит администратор, ищет меня по фотографии. Какой там! У меня на лице сосульки, вид ужасный! Меня поселили. И так я бегала потом через мост в театр, каждый раз думая: «Так, так, никого бы не встретить! Летом, летом поговорим! (как в анекдоте)». И всё было хорошо, но пришёл новый режиссёр, привёз с собой актёров, и мы оказались не нужны. По окончании сезона ушло человек 16, причём больших, замечательных актёров...

– Очень приятно, что мы сейчас вспомнила Бориса Ивановича Равенских, в этом году ему бы исполнилось 105 лет.

– Для меня есть несколько человек, которых я считаю великими. Один из них – Борис Иванович Равенских. Была ещё совершенно потрясающая встреча с **Андреем Алексеевичем Поповым** в Театре Советской Армии. Туда пришёл работать Лёничка Хейфец, и с этим связан совершенно мистический случай. Мы приходили в училище и часто видели объявления: «Завтра мы показываемся в театре». Но заранее не знали где. И вот мне снится сон, что мы пришли

показываться в огромное фойе, разбрелись по нему со своими шмотками; вдруг выходит какая-то дама и говорит, что начинается показ. Мне по роли почему-то надо быть толстой. Бегу к своим вещам, а у меня ничего нет – пустота. Я начинаю бегать по залу и просить: «Отыграешь – дашь? Отыграешь – дашь?» Добегаю до угла, там занавеска, а за ней на вешалках – толщички, юбки со складками. Боже, какое богатство! Начинаю всё это на себя напяливать, удивляясь, откуда всё это и чьё. Вдруг сверху голос: «Фетисовой». Откуда это? Проснулась. Ничего не поняла. Прихожу в училище и вижу – «Показ в Театре Советской»

Армии». Показывались на большой сцене. Сначала Коля Волков, Люда Чурсина, Элла Шашкова, Юра Волынцев. Показалась и я. Выходит зав.труппой и объявляет, что худсовет решил устроить мне второй показ. «Есть такое предложение, чтоб вы сыграли что-то из репертуара Фетисовой – из «Давным-давно», «Барабанщицы». Я – к Лёничке Хейфецу, в этот период мы очень дружили. Всё рассказала. А Он: «Да что ты, Ира! Всё равно тебе не дадут сыграть что-то из её ролей. Думай, конечно...» Пока на следующий день я что-то подбирала из материала, слышу по радио, что умирает Фетисова. Её откуда-то вычеркнули, и с ней случился инсульт. И вот меня в училище все хлопают по плечу, а Лёничка опять: «Угробили такую актрису. Неужели ты думаешь, что тебе дадут там сделать хоть шаг? Уезжай куда-нибудь. Ты должна работать». И я уехала в Барнаул, Омск и т.д.

– А у Вас бывали случаи, когда, набравшись смелости, приходили к режиссёру и говорили: «Это моя роль! Ну дайте мне её!»

– Нет, никогда. Самое отвратительное, что наступило у нас в театрах, это когда человек не работой должен доказывать, а сам приходиться и говорить: «Я очень хорошая актриса, вы меня возьмите». Да, профессия актёра зависимая. Ну не до такой степени звездеть.

– А Вы в судьбу верите? В какие-то приметы?

– Я — фаталист. А в приметы верю чисто театральные. Роняешь роль, так сядешь в любую лужу. Не говорить раньше времени о чём-то, пока не утвердится.

– Ирина Георгиевна. Возвращаясь к разговору о корнях... Все Ваши родственники – коренные москвичи. Но волею судьбы Вы родились в Туле, школу закончили в Лиенае, работали в театрах разных городов Советского Союза, а театральное образование получили всё-таки в Москве, сейчас

работаете и живёте в Москве. Вы себя москвичкой ощущаете?

– Конечно!

– На Ваших глазах Москва менялась, сейчас стала совсем другим городом...

– Не мой город.

– Но изменилась не только Москва, но и наш быт: появились электрические чайники, мобильные телефоны, Интернет... Вы как с этим дружите?

– Не очень. Мне всё помогает делать внучка. А Москва – она была тёплой... Вспоминаю бабушку, которая говорила: «Умереть хоть в подвале, но в Москве!»

– А Вы, если б сейчас была возможность выбора, где бы хотели жить? Всё-таки поездили и повидали немало...

– Наверное, привычка. Я хотела бы жить в каменном колодце, но в Москве. Это удивительная штука – откуда ни едешь, откуда ни летишь (особенно раньше), слышишь слова «Мы подъезжаем к столице нашей Родины, городу Москва! Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» – и сразу по спине прямо ... «холодок бежит за ворот!» В этом, в спорте и во всём был большой патриотизм!

– Так сложилось, что двухтысячные годы стали для Вас определённым этапом. Вы стали звездой сериалов. Миллионы людей смотрят фильмы с Вашим участием. Это достаточно новый жанр. Как Вы себя в нём ощущаете? Вас на улице узнают?

– Да, узнают. Это очень приятно. Но, когда что-то предлагают, я обязательно должна знать, что это. Иногда приходится говорить «нет». Первую «славу» (в кавычках) я завоевала в «Даёшь молодёжь!». Проходу не было! Привозят, помню, на эпизод где-то под Москвой, сию возле автобуса. Ребята тут бегают, катаются на чём-то, в магазинчик ходят. Маленький на велосипедике остановился, потом их стало двое, трое, целая куча. Подходят: «Это Вы – «Даёшь молодёжь»?» У кого кусок бумаги, у кого газета, блокнотик. Суют ручку не просто подписать, а обязательно что-то написать каждому.

– И опять о корнях... В сериале «Практика» события происходят в Туле, где Вы родились. А там «холодок за ворот» не бежал?

– Всё равно бежал! Хоть было всего 8 дней в роддоме, но там забрали деда, и где-то под Тулой он был расстрелян. Мама с отцом работали там в ТЮЗе. Бабушка вернулась после 8 лет отсидки в Тулу, там ей выделили комнатку, которую мы потом поменяли на Кавказ, на Грозный.

Вспоминая самые яркие моменты своей непростой жизни, Ирина Георгиевна с какой-то особой

юбилей

ностальгией говорила о коммуналках, в которых пришлось пожить, о том, как пели песни и запоем читали книги, привозя их из всех поездок для домашней библиотеки, сокрушалась, что исчезают анекдоты – а это плохой знак!

Рассказать целую жизнь за два часа до спектакля, конечно же, нереально. Поэтому Ирина Георгиевна, понимая, что пора готовиться к выходу на сцену, сама подытоживает:

– Вообще, что такое юбилей? Это остановка, перерыв. А дальше всё зависит... Если по романсу «Ты сидишь у камина и смотришь с тоской», – это одно. Если же тебя что-то греет – любовь зрителей, друзей, я понимаю, что я недаром живу. Не жила, а живу!

Фото: Наталья Киселева